

Разрешение **ЖИТЬ**

ДАНИЛОВ
МУЖСКОЙ
МОНАСТЫРЬ

Разрешение жить

«Данилов мужской монастырь»

2018

УДК 271.2
ББК 86.372

Разрешение жить / «Данилов мужской монастырь», 2018

ISBN 978-5-89101-677-4

Книга «Разрешение жить» представляет собой сборник рассказов и публицистических статей, посвященных теме сохранения жизни в материнской утробе. Работая над содержанием, издатели имели намерение убедить своего читателя относиться к нерожденному ребенку как к человеку, вдохновить не бояться трудностей. Герои книги – обычные люди, но они достойны того, чтобы стать примерами для подражания. В книге собраны правдивые жизненные истории, описанные православными писателями; приведены размышления и исследования священников, врачей и общественных деятелей; дана справочная информация о центрах защиты материнства, где могут помочь принять правильное решение – позволить новому человеку увидеть этот мир; а также молитвы для тех, кто раскаивается в грехе детоубийства.

УДК 271.2
ББК 86.372

ISBN 978-5-89101-677-4

, 2018

© Данилов мужской монастырь, 2018

Содержание

Жизнь как Божий дар	6
Часть первая	8
Елена Есаулова	8
Где ты, Леша?	8
Жизнь за жизнь	10
Двойная радость	13
Мирослав Бакулин	17
Анна	17
Мария Сараджишвили	20
Странная мечта	20
Пока еще есть время	22
Елена Кучеренко	26
Нечаянная радость	26
Часть вторая	29
Ольга Зиненко	29
Отец-одиночка	29
Мария Сараджишвили	32
Много в жизни несправедливости	32
Талисман	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Разрешение жить

Редактор-составитель Е. Орлова

ДОПУЩЕНО К РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИЗДАТЕЛЬСКИМ СОВЕТОМ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ИС Р18-717-0653

Данилов
мужской монастырь

Благодарим Попечительский совет издательских программ Данилова ставропигиального мужского монастыря Москвы за помощь в издании книги.

В книге использованы материалы информационных ресурсов:

- сайта Патриаршей комиссии по вопросам защиты семьи, материнства и детства, pk-semia.ru;
- православного портала о благотворительности «Милосердие. ру», miloserdie.ru;
- интернет-журнала «Прихожанин» Данилова ставропигиального мужского монастыря Москвы, prihozhanin.msdm.ru.

Жизнь как Божий дар Вместо предисловия

«Признавая непреходящее значение и высокую ценность жизни как Божиего дара, Церковь неустанно призывает власть и общество к возвращению к нравственному установлению, исключающему возможность лишения жизни нерожденных младенцев. Это не революционное изменение, а возвращение к норме жизни, без которой немыслимо счастье женщин и мужчин, невозможно будущее нашего народа. Жизнь, сохраняемая в материнской утробе, не может быть препятствием к чьему либо материальному благополучию, – это фантом, это миф. Собственно, здесь определяющую роль играет понимание человеком самого благополучия. Но сегодня в жизни нашего общества, увы, действует циничный принцип: ради личного благополучия многие люди жертвуют жизнями своих потомков.

Мне приходилось неоднократно поднимать данный вопрос на самых разных государственных уровнях и, слава Богу, мы наблюдаем определенный прогресс. Однако, продолжая получать тысячи писем от верующих с просьбой призвать власти к решению проблемы абортов, прошу вас не оставлять усилий по поэтапному преодолению этого страшного явления.

Многие эксперты сходятся во мнении, что одной из причин демографических проблем в нашей стране является экономический фактор, несогласованность системы социального обеспечения. Полагаю, нам всем, обществу и властям, необходимо сообща вырабатывать целый комплекс мер поддержки материнства и детства, найти новые механизмы, содействующие сохранению зачатой жизни.

Разумеется, жизнь ребенка ценна не только в материнской утробе. Огромную важность имеет вопрос повышения уровня доступности образовательных учреждений и организации образовательного процесса, и не только в рамках программы средней школы. Я вспоминаю то время, когда в стране были бесплатные кружки, спортивные секции, которые отвлекали детей и молодежь от дурных поступков на улице, от влияния неблагоприятной среды. Нам нужно делать все более и более доступной внеурочную занятость наших детей.

Создание условий для уменьшения количества абортов предполагает поощрение многодетности, в том числе материальными средствами. В прошлом году претерпела изменения система взимания налога на имущество физических лиц. Действующей редакцией Налогового кодекса установлено 15 категорий граждан, освобождаемых от уплаты налога на недвижимость. Многодетным семьям, к сожалению, не нашлось места среди льготных категорий. Мне известно, что на местном уровне органы власти могут установить льготу по этому налогу для многодетных, но этим правом воспользовались всего лишь несколько регионов. Укрепление семей, в том числе материальное, – это общенациональная задача, и поэтому я призываю пересмотреть список льготных категорий граждан на уровне федерального закона, добавив туда многодетные семьи с невысоким достатком.»

**Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл Из доклада на V Рождественских Парламентских встречах
26 января 2017 года**

Часть первая **Пока еще есть время...**

Елена Есаулова

Где ты, Леша?

Надя стояла на балконе девятого этажа, выкуривая традиционную утреннюю сигарету, и безучастно глядела, как просыпается пыльный летний город. На балконном бортике, рядом с баночкой, приспособленной под окурки, лежала узкая полоска бумаги, перечеркнутая двумя параллельными отрезками красного цвета. Каждый раз, стряхивая в банку столбик пепла, девушка поглядывала на нее с отвращением.

– Вот же я лох, – нервно шептала она, – да за что ж мне это? Только тебя мне сейчас не хватало! Бесплатно уже никто ничего не сделает – срок большой, значит, прощай, заначка.

25-летняя девушка, приехавшая в большой город из маленькой деревни несколько лет назад, изо всех сил старалась выжить в мегаполисе. Надежда снимала крохотную однушку на окраине, днем работала официанткой в кафе, а по вечерам мыла полы в двух офисах, откладывая каждую копейку, чтобы оплатить очередной семестр заочки в институте. Нежданная беременность не входила в ее планы. С молодым человеком они рассталась два месяца назад, родных у нее почти что не было. В родном селе жила только тетка, но она не в счет. Под старость лет, по разумению Нади, старшая сестра мамы-покойницы совсем «съехала», ударились в религию: зачастила в церковь и наводнила всю избу иконами. Дважды в год тетка прибывала к Наде, нагруженная гостинцами. В извечном черном платке и в длинной юбке, она недовольно шуршала по дому, вытирала пыль, попутно «выносила» племяннице мозг с помощью страшных про грехи и небесные кары.

– Пропавшая ты душа, Надька, – ворчала тетушка. – В блуде живешь, Бога не чтишь. Куда это годится?

«Пропаганду» девушка терпела ровно десять минут, потом кричала, что на дворе двадцать первый век, так что верить в чепуху глупо, и сбегала из квартиры как бы по делам. Но тетка – кремень – не отступала. В последний приезд она оставила Наде маленькую икону, строго пояснив, что на иконе изображена Божия Мать с Младенцем Иисусом. А рядом положила бумажку с молитвой, выведенной дрожащим старушечьим почерком. Надя клочок вышвырнула сразу после отбытия тетки в село. Хотела было выбросить в мусор и предмет культа, но грустная Женщина с Ребенком на иконе показались ей такими светлыми, что девушка не решилась отправить образ в корзину.

...Загасив сигарету, Надя тяжело вздохнула и начала жать кнопки мобильного, набирая телефон медцентра, где помогали решать проблемы «двух красных полосок». Приятный женский голос заверил, что Надю в ближайшее время готовы принять опытные медики, которые в бархатных условиях сделают все быстро и безболезненно.

– С собой что-то брать? – уточнила девушка. – Только хорошее настроение и наличные, – со смехом посоветовала администратор.

Преодолевая ступор и стараясь не обращать внимания на невесть откуда взявшуюся душевную боль, она быстро собралась. Бросив в сумку телефон, кошелек и накинув любимую черную куртку, купленную в дорогом магазине, Надежда метнулась к выходу, как вдруг за спиной раздался легкий звук упавшего предмета. Деревянная иконка, стоявшая на полке шкафа, свалилась на пол. Недовольная Надя вернулась, чтобы поставить предмет на место, и зачем-то задержала взгляд на лице Мамы Бога.

– Что глядишь? – обратилась она к Той, Которую считала мифом. – Помоги лучше как-нибудь! Тетка говорила, можешь...

Не веря, что она произносит этот бред, Надя тряхнула головой, вышла из квартиры, быстро заперла дверь и почти бегом двинулась к трамвайной остановке, где переминались с ноги на ногу две женщины в ожидании транспорта.

...Днем раньше, ближе к вечеру, в квартире другой многоэтажки этого же пыльного города бывший фармацевт Татьяна Васильевна спешила с ужином, ожидая с работы сына Лешу. По ее прикидкам он должен был прийти домой через час, за ним следом ожидалась невестка Галя, навестить бабушку после тренировки по футболу собирались их дети Игорь и Егорка.

В свои 68 лет Татьяна Васильевна имела крепкое здоровье – успевала все делать по хозяйству и держала квартиру в чистоте и порядке. Она принялась аккуратно вымешивать в миске фарш для голубцов: добавила в мясо тщательно нарезанную луковицу, вбила яйцо. Затем обеспокоенно взглянула на часы – стрелки приближались к шести вечера. Торопливо вынув из шкафа светлую льняную скатерть, она застелила ею круглый кухонный стол. Затем

начала резать алые ташкентские помидоры, ссыпая сочные куски томатов в хрустальный вместительный салатник.

Наконец-то раздался звонок в дверь. Женщина кинулась открывать. Но это была всего лишь соседка.

– Лялочка, так это Вы? Проходите, пожалуйста, – разочарованно промолвила Татьяна Васильевна. – А я вот Лешу моего с работы жду, волнуясь, где же он. И Гали что-то нет, и внуков. Они у меня молодцы такие, старший вот недавно выиграл олимпиаду по математике. Наверное, планы у моих изменились, а предупредить меня, как всегда, все забыли.

Молодая женщина участливо посмотрела на Татьяну Васильевну и прошла в комнату.

– Я Вам, тетя Тань, лекарства от давления принесла, – выкладывая аптечный пакетик из сумки, сообщила Ляля. – Что ты, Лялочка, Леша мне все купил уже, не стоило тратиться, – отмахнулась пенсионерка. – Только вот не идет он что-то, боюсь, не случилось ли чего? Что ж, буду ждать, а что мне остается делать.

Неловко улыбаясь, соседка попрощалась с пенсионеркой и поспешно ушла. Татьяна Васильевна уселась в кресло у окна и, отодвинув штору, с тревогой стала вглядываться в даль.

...На следующее утро соседка Ляля вместе с подругой Машей отправились на утреннюю службу в небольшую церковь. Дождавшись трамвая, они вошли в раскрывшиеся двери и нацелились на уютное сидение в центре салона. Но наперерез им метнулась молодая брюнетка в черной куртке, украшенной вычурными стразами. Женщины сели за девушкой и завели обычный разговор обо всем на свете.

– Кстати, Маш, помнишь тетя Таню? – спросила Ляля.

– Эту из 58-й, подружку твоей мамы, что ли? Видную такую, с дворянской осанкой?

Ляля кивнула.

– Совсем беда с ней, – посетовала она. – Два раза в неделю ждет сына Лешу, готовит ужин, никто к ней не приходит. Еда пропадает, я прихожу, выбрасываю... – Так ты позвони этому Леше-то, голову пролечи, – возмутилась Маша. – Да нет никакого Леша на самом деле, Марусь, – грустно сказала Ляля. – Как нет? А где же он? – недоуменно уставилась на нее подруга. – А нигде. Татьяна Васильевна в молодости сделала один единственный аборт. Она тогда медучилище оканчивала, муж дипломную писал, хотели доучиться, на ноги встать, думали, ребенка позже заведут. А позже ничего не получилось. Лечились, на всякие воды ездили, даже к колдунам ходили. Муж ее начал пить, с работы выгнали, в итоге его, пьяного, машина сбила. Вроде она крепилась, держалась. Как на пенсию вышла, начала Лешу ждать.

Подруги почти одновременно вздохнули и замолчали. Трамвай приплыл к остановке, дверь со скрежетом открылась. Сидящая впереди девушка в куртке со стразами вдруг бросилась к выходу и почти на ходу выскочила из трамвая.

Через минуту в платном медцентре раздался телефонный звонок.

– Надежду Ковалевскую, что на аборт записалась, вычеркивай, она передумала, – крикнула медсестре хорошенькая администратор, похожая на куклу Барби.

Жизнь за жизнь

Нежная зеленая листва золотилась на майском солнышке. После прошедшего дождика в воздухе разливался тонкий аромат черемухи. Аля сделала несколько шагов на проезжую часть, чтобы посмотреть, не приближается ли к остановке нужный ей автобус, и – оп! – через секунду оказалась с ног до головы в грязи. Ее новое болоньевое пальто, на которое копила три месяца, окатила светлая иномарка – водитель решил не объезжать лужу. Кипя от возмущения, Аля отступила на тротуар и начала рыться в своей большой сумке в поисках платка, чтобы хоть как-то привести одежду в порядок.

Все ее планы, ради которых был слезно выпрошен у начальства однодневный отпуск, рухнули. Ехать в грязном пальто в медицинский центр было невозможно, ее бы просто не приняли. Добраться до дома, стоящего на отшибе, вдали от транспорта и цивилизации, и вновь вернуться на остановку получилось бы как минимум за час. Плюс путь до больницы. А в медцентре предупредили, что график у расписанного доктора плотный – всё расписано на месяц вперед.

«Вот всегда у меня так! – подвела итог расчетам женщина. – Может быть, у врача найдется время попозже, может, кто откажется от приема?» – думала она. Но мобильный телефон, заряд которого показывал всего одно деление, пискнул и погас, убив последнюю надежду.

Аля в бессилии рухнула на скамейку, раздраженно бросив рядом сумку, в которой что-то жалобно звякнуло. Недоумевая, женщина нырнула рукой в угол сумки и вытянула небольшой пакетик с жестяной баночкой дорогого зеленого чая внутри и красивой подарочной кружкой.

«Это ж подарок бабе Нюре на 9-е мая», – со стыдом вспомнила Аля. Подруга Алиной бабушки фронтовичка Анна Михайловна была Але почти что родной, хотя виделись они нечасто.

«Уже май на исходе, а я так и не дошла до нее. А ведь она тут рядом живет, через два дома от остановки, – осенило Алю. – Зайду, поздравлю с Днем Победы, заодно позвоню в медцентр от нее».

Аля взбодрилась и решительно зашагала в сторону девятиэтажки из красного кирпича. По пути зашла в ларек, взяла «Птичку» – любимые баб Нюрины конфетки – и уже через 5 минут жала на кнопки домофона, набирая номер нужной квартиры.

Анна Михайловна и Алиная бабушка Полина Ивановна были родом из одной деревни Петряшки. В суровом 41-м обе сибирячки рвались на фронт, но Полина не прошла медкомиссию, а Анна несколько лет воевала, была санинструктором, даже дошла до Венгрии. После войны подруги вместе работали в колхозе телятницами, поднимали детей, растили внуков, а в редкие свободные вечера чаевничали у самовара. Полины Ивановны пять лет назад не стало, а вот Анна Михайловна, крепкая телом и духом, дожила до 89 лет и, судя по всему, на тот свет пока не собиралась.

– Каво надо? – суровый бас баб Нюры из динамика заставил Алю улыбнуться.

– Это я, баб Нюр, Алька Хазарина.

– Алевтинка? Вот молодец! – обрадованно охнула бабуля. – Открывай и поднимайся в мои хоромы.

В просторной однушке на 6-м этаже пахло пирогами, царили чистота и порядок.

– Ишь ты, мои любимые взяла, а у меня как раз шаньги, – обрадовалась баба Нюра конфетам, вежливо кивнула подаркам и потянула Алю на кухню. Увидев грязное пальто гостьи и услышав грустный рассказ, заругалась на водителя:

– Вот, ирод, ни стыда ни совести, пальтейку всю извозил, давай-ка в машину положим, все быстро отойдет.

Старушка стянула с Али пальто и поковыляла в ванную, приговаривая:

– У меня ж, Алька, машина стиральна нова, така красота! Автомат! Сама стират, сама полоскат, сушит, не то что мы с твоей бабкой на доске руки сбивали, в котле кипятили, на речке полоскали. Зимой-то в проруби руки немели, жуть! Собес выделил к юбилею Победы стиралочку. Не обижает нас государство, да. А Вы-то как? Мать, Толик, Танечка? Алька, слышь-ка?

Аля сидела на кухне бабы Нюры обессиленная и не могла вымолвить ни слова. Со стены напротив на нее с плаката календаря взирала Богородица.

– Аль, да ты чё? – баб Нюра обеспокоенно теребила гостью за плечо. – Плохо? Валерьянки накапать?

– Да нормально всё, баб Нюр, – встряхнулась Аля. – Чаю бы я выпила покрепче.

Бабуся засуетилась, доставая кружки и сладости, не прекращая расспросы:

– А чё смурная такая? Бледная чё? Чё к врачам собралась? Зуб болит?

– Да не зуб, баб Нюр, – отрешенно ответила Алевтина, стараясь не смотреть в глаза хозяйке. – Случилась тут проблемка у меня, решать надо, а то поздно будет.

Сметливая бабушка сразу поняла, о чем речь, и рухнула на табурет.

– Значит, убийство задумала ты, Алька, – сухо промолвила она. – Родное дитя убить хочешь. Анатолий-то знает?

– Да Тольке моему ничего, кроме гаража и пива, не нужно, не кормилец он, не добытчик, – глотая слезы, ответила Алька. – Танечка школу заканчивает, поступать ей надо, вещи хорошие нужны. А мне 43 уже, 43! Понимаешь, баб Нюр? Стара я рожать. Как я доношу-то? Жить как будем? Денег мало, туалет у нас на улице, дом ветхий...

– Ну, валяй, одно дитя режь, чтоб другому золотые платья носить, – дрожащим от гнева голосом басила бабка. – Ой, была б жива Полинка, вот всыпала бы она тебе! Да что ж вы за бабы такие! Сейчас и оплаты за деток дают, и декреты, и врачи за ними смотрят, только рожай, а они не могут. Кормильца, вишь, нет! У меня-то ни кормильца, ни поильца не было!.. Рожай, Алька, зараза, не гневи Бога!

На этих словах баб Нюра припечатала ладонью по столу так, что кружки подпрыгнули. Аля закрыла лицо ладонями и уже не редела, а только тихо подвывала. В глубине души она сознавала правоту бабы Нюры, но ее душу сковывал леденящий страх перед будущим.

– Эх, ты, глупая ты, дурочка, – сменила гнев на милость Анна Михайловна, погладив Алю по плечу. – Вот ты меня послушай и увидишь, всё хорошо будет.

– Откуда Вы-то знаете, – с тоской сказала Аля. – Что будет хорошего с моим мужиком непутевым? Ни чувств, ни зарплаты с моим Толькой. Ваш-то муж вон был героем, любил, на руках носил, сами говорили. И Ольга у Вас потому такая счастливая получилась, что дитя любви. И муж у нее хороший, и сыновья успешные, внуки – отличницы.

– Да мало ли, что я там плела, – усмехнулась баба Нюра. – Никому не сказывала еще, а тебе скажу по такому случаю, может, от беды сберегу. Может, передумаешь дитя родное жизни лишать.

Вовку-то, Ольгиного родителя, я и не знала почти что. И любви никакой у нас не было. Он не нравился мне, рыжий, болтун, охальник, грубиян. Один разок всего уговорил меня погулять с ним. Зачем я пошла, сама не знаю. Пожалела, видно, дурака. А он и насильничал. Я проревела до утра, злилась, думала командиру рассказать. А утром атака, бой. От нашего батальона половина осталась. Я раненых вытаскивала. Володьку тоже ранило. Я к нему, думаю, вытасу тебя, гада, всё же ты наш, русский. В живот его ранило. Он только и успел просипеть: «Прости меня, Нюра. Живи за меня». И преставился.

Аля смотрела на бабу Нюру ошарашенная, по лицам обеих женщин текли слезы.

– Как поняла, что тяжелая, от дитя избавиться хотела, – рассказывала баба Нюра. – Обидно было: от насильника же, против воли. Думала: как матери скажу? Шибко жалела я себя. На то дело у нас в санбате была одна бабонька, помогала. Так. Решилась, а накануне мне сон был. Снится, что еду в поезде, да не одна, а с девочкой, годика три ей. А девочка та плачет и плачет, а мне ее и вроде не жалко будто, она будто и не моя. Напротив нас в вагоне сидит Женщина в платке, в платье длинном с Дитем на руках. Красивая, добрая, но строго-строго на меня смотрит. И берет она девочку за руку и говорит ей: «Оленька, не бойся». А потом на меня строго глядит и приказывает: «Что задумала – брось, не делай». Встала и пошла в конец вагона. А я опять смотрю на девочку, и так стало жалко мне ее, сердце рвется. Я ее прижала, поцеловала, тут и сон кончился. Проснулась, подушка от слез мокрая. Поняла, что ничего делать не буду, рожу дитя. Будь что будет. Володькиной жизни нету, какой он ни был, а пусть ребёнок за него живет. Жизнь за жизнь. А потом пошла я к командиру Иван Якимовичу, так и так, говорю, хотели пожениться, не успели, теперь вот живот у меня. Он, понятно, покричал несильно. И отправил домой. Мать-то, когда я с пузом прибыла, не ругала, а будто порадовалась. Потому,

что на брата моего мы тогда уж похоронку получили. Ну, Ольга родилась, бойкая, крикливая, умненькая. Я так счастлива была потом, что не сделала зла ей. А уж потом, как стала в церковь ходить, увидела ту Женщину из поезда, из сна. Богородица это была, Царица Небесная.

Баба Нюра перекрестилась дрожащей старческой рукой. Еще минуту хозяйка и гостя молчали.

– Пальто-то твое выстиралось, поди, Аля, – тихо промолвила бабушка. Она дошла до ванной тяжелой походкой, вынула из машинки и встряхнула пальто, вручила его владелице. От грязи не осталось и следа.

– Вот бы душу так можно постирать, – ухмыльнулась гостя, обуваясь у порога.

– Алька, что задумала, не делай, – уже у двери баба Нюра крепко обняла Алевтину и перекрестила ее.

* * *

Осенний дождь с ветром безжалостно сбивал золотые листья на грязный асфальт. Аля сделала несколько шагов на проезжую часть, чтобы посмотреть, не приближается ли к остановке нужный автобус, и вздрогнула – прямо около нее резко затормозил светло серый джип. Дверца распахнулась.

– Алька, прыгай, довезу, нечего по автобусам телепаться, – за рулем сидел улыбчивый рыжеволосый мужчина, внук бабы Нюры.

– Неудобно, Дим, я вон как баржа, – застеснялась Алевтина, забираясь на переднее сиденье.

– Тогда поплывем, – пошутил в ответ земляк. – Куда везти? Ты же в центре вроде работаешь?

– Да меня в поликлинику, на консультацию, я же уже в декретный пошла, через месяц рожать.

– Слышал, пацана ждете, поздравляю, вот вы молодцы с супругом, – разговорчивый Димка надавил на педаль газа и сразу зарядил болтать. – Таня ваша уедет поступать, вам нескучно будет. А я свою-то тоже уговариваю, давай мол, еще пацана родим, девки-то уже большие, мне теперь пацан нужен. Знаю, ветхий барак ваш снесли, хату дали новую. Анатолий, я слышал, вторую работу ищет, я у себя на стройке могу спросить, нам электрики на подряд нужны.

– Спроси, Дим, спроси, – вклинилась Аля. – А баб Нюра-то как?

– Ха! – рассмеялся Дима, – вообще молодцом она. Да у нас тут такое! «Жди меня» отдыхает! Я по интернету родных деда Володи нашел, списался с ними. Они ж пожениться с бабкой-то моей не успели, убило его. Так вот его младшие сестры нашлись, они живы, у них дети, внуки. Как узнали, что у их брата дочь была, что было! Звонили, радовались, плакали, что, мол, раньше не нашлись. А мы-то думали, у деда не было никого. Теперь едем все в Курскую область, баб Нюру возем, мать мою Ольгу. Такие дела. Бабусе привет передам обязательно! Пока, Аль, на Крестины зови.

Двойная радость

– Да иди ты! – крикнула Валя в трубку так, что стоящая рядом бабулька с рюкзаком вздрогнула, – не хочу я, ну, мам!

– Валька, не дури, езжай, – визжал старый мобильник материным голосом. – Тётя Нина и билет ей оплатила, и встретит, и приветит, всё устроит, а она, видите ли, не хочет, цаца какая!!! Скоро практика, потом место в кафе, я еле договорилась, чтобы тебя взяли, а она не хочет, зараза. А не сделаешь – и не заявляйся, не пушу домой, уяснила?

Валя в бессилии отжала кнопку вызова и сунула телефон в карман. До отхода поезда оставались минуты, но она все медлила, стоя у вагона.

– Так чё, девушка, ехать будем или как? – буркнула толстая проводница недовольно.

Валя обреченно сунула ей билет и вошла в вагон. Добрела до плацкартной полки, скинула куртку и шапку и, даже не взяв бельё, улеглась и отвернулась к стене.

«Как же может быть так плохо?» – размышляла она с каким-то отстраненным удивлением. Больше всего на свете ей сейчас хотелось отключить мозг и не думать, что ей предстоит совершить в городе, куда поезд доедет через сутки. Мысли бились в голове испуганными птицами, сердце ныло и болело. Всего полгода назад ей казалось, что в её монотонной жизни наконец всё наладилось, а теперь...

...Валька всегда считала себя человеком средним, а иногда и минусовым, никаким.

– Ни внешности, ни способностей, – в сердцах криком резала мать, расписываясь за тройки в дневнике, когда Валька учились в началке. Внутри у девочки всё сжималось от обиды, она злилась и тихо плакала в своём углу.

Кричать мать умела хорошо. Могла и по затылку залепить, и швырнуть тяжелым – только успевай уворачиваться, поэтому Валька старалась не отсвечивать и мать не гневить. После приступа гнева мама плакала, просила прощения, кляла отца, ушедшего ещё до рождения Вальки, и становилась такой жалкой и несчастной, что дочь сразу прощала её. Но постепенно она сама начала верить в материны злые вердикты.

– Нос – кнопка какая-то, волосы – серые, как пыль, рост низкий, – бормотала девочка в 14 лет, стоя у зеркала и ненавидя себя. – Ни шмоток, ни увлечений. Подруга, и то одна.

После школы Валька поступила в пищевой техникум, училась средне, хотя старалась. Когда на неё обратил внимание молодой человек, счастьем не было предела. Невзрачной внешности долговязый солдат-срочник по имени Костя случайно встретился Вале в автобусе. Он спросил у неё время, она, удивляясь своей храбрости, предложила ему пирожки, приготовленные на уроке в училище. Он похвалил. Впервые в жизни она кому-то понравилась, кто-то интересовался её жизнью, хотел общаться, водил в кино... Словом, она влюбилась без памяти, а он, после нескольких свиданий на квартире у друзей, вдруг стал недоступен. К кошмару отвержения добавился ужас от увиденных двух полосок на тесте. Гинеколог в поликлинике сказала, мол, аборт делать поздно, и велела вставать на учёт.

Валька метнулась к маме, та даже орать не стала, быстро нашла выход. Подруга-гинеколог из другого города пообещала помочь решить проблему бесплатно, по старой дружбе.

– Сессия сдана, каникулы у тебя, как раз успеем управиться – деловито сказала мать, тоном будничным, будто речь шла о ремонте кухни. До последнего момента Валя была уверена: аборт нужен. Но однажды, идя из магазина, она увидела плакат на заборе – разрезанное ножницами фото ребёнка и надпись: «Аборт – это убийство».

Осознание задуманного навалилось на неё цементной плитой: «Мы все возьмем его и разрежем – я, мать и тётка Нинка – и спокойно станем жить дальше? Может, оставить?..»

В момент, когда девушка подумала об этом, в её душе будто маленькая свечка зажглась, свет которой растворил чёрную тоску. Она представила беспомощного малыша, который только от неё, Вальки, зависит и уже её любит.

Заикнулась матери, мол, может, не надо, та едва не пришибла.

И вот, Валька лежит теперь на нижней полке, едет на убийство и пытается расслабиться. Чувствуя себя загнанной в угол, повторяя про себя одно: «Кто-нибудь, помоги!». Измученная нервным напряжением, она забылась под стук колес.

– Ну-ка тихо, куклы, человек спит, – проснулась Валя от возни и громкого шепота и приоткрыла глаза.

Рыжеволосая женщина с копной непослушных кудрей, с такими же рыжими девчонками-близнецами устраивались на соседней полке. Девчонки с хитрыми лисьими личиками снимали рюкзаки, толкаясь и хихикая.

– Мам, мы наверх полезем, – нараспев заканючили они.

– Быстро и чтоб тишина там была! – пытаюсь говорить строго, попутчица не могла сдерживать улыбки.

Лисички ловко вскарабкались на верхние полки, не переставая хихикать и переговариваться.

– Разбудили Вас, – открыто улыбнулась она Вале. – Меня Кирой звать, а это мои Лика и Вика.

Лисички наверху приснули.

– Валя, – представилась девушка. Впервые за несколько недель смогла улыбнуться.

Они разговорились с Кирой за чаем, когда девочки уgomонились и уснули на верхних полках. Не в силах больше терпеть внутреннее отчаяние, Валя, утирая слёзы, излила собеседнице душу, рассказав всё – и про беременность, и про Костика-предателя, про мать и про тётю Нину.

– А ты, наверное, счастлива замужем? – спросила Валя у Киры, перестав всхлипывать. – Такая красивая, как ты, не может быть несчастливой...

«Было тяжело идти против всех»

– Счастлива? – помолчав, переспросила та, откинув непослушную кудрявую прядь с лица. – Знаешь, я забеременела в 15 лет... От насильника. Шла после школы поздно домой по парку, папа не смог встретить. Была зима. Меня ударили по голове, затащили в машину, я отключалась, а когда приходила в сознание, чувствовала только боль. Это был взрослый трезвый мужчина. Очнулась лежащей на снегу, в мыслях – страх, что узнают родители. Они очень строгие люди, научные работники. Я пыталась встать, потом отключилась снова, очнувшись уже в больнице, в реанимации. Уже потом поняла, что мне несказанно повезло – насильник не убил меня. Был шок от позора, от того, что все всё знают. Слёзы, истерики, успокаивающие уколы.... Насильника не нашли, а через какое-то время мне и моим родителям сообщили о беременности.

УЗИ показало близнецов. Нет слов, чтобы описать шок – мой и моих родителей. Увидев на мониторе расплывчатые силуэты, я желала только одного – чтобы они исчезли, растворились. А потом вдруг поняла, что не буду убивать.

Кира говорила спокойно, почти без эмоций.

– Мою идею оставить детей не поддерживал никто, да я и сама порой сомневалась, пока они не начали шевелиться в животе... Было тяжело идти против всех... Но меня поддерживала мысль, что я отстаиваю право своих детей жить.

– А потом? – спросила Валя тихо.

– Потом тоже было сложно, – ответила Кира. – Я попала в подростковый реабилитационный центр, мои родители развелись. Но ни разу я не пожалела о том, что не сделала аборт. И я не представляю себя без моих дочек. Они моя двойная радость, моё счастье. Из роддома меня встретил мой отец, он поддержал меня тогда и помогает до сих пор. Из-за рождения детей я рано повзрослела. Но зато получила два высших образования, сейчас консультирую семьи и женщин, собирающихся делать аборт. И каждый раз, когда удаётся отговорить кого-то от убийства, очень радуюсь.

...Через несколько часов Валя уже сидела в поезде,двигающемся к её городу. Она не знала, что её там ждёт, но твёрдо была уверена в одном – ребёнок будет.

Всыпав овсяные хлопья в кипящую воду, Кира потянулась за ложкой, но бросила взгляд на смартфон, где висела непрочитанная смс-ка. Присела на табурет, чтобы прочесть её.

«Дорогая Кира, привет! Позавчера я родила мальчика, 3400, рост 52. Назвали Мишей. Когда приехала, вдруг позвонил Костя. Сказала ему о ребёнке, он обрадовался, представляешь? Оказывается, когда он исчез, потерял телефон, а потом попал в госпиталь. Как только его выписали, искал меня, даже к нам домой приходил, но мать моя его выпроводила. После приезда я пожила два дня у подруги, а потом Костина мама, тётя Таня, забрала меня к себе в село. Она простая и очень добрая. У них хозяйство, я ей всю дорогу помогала, пока живот позволял. Костя вернулся из армии, когда я была уже на седьмом месяце, мы зарегистрировались. И как же я тебе благодарна за то, что ты тогда рассказала мне свою историю...»

Мирослав Бакулин

Анна

На Богословских курсах по субботам царило всеобщее благодушие. Вот уже десять лет старенький преподаватель разбирал подробно Священное Писание. Он знал греческий и латынь, был начитан святых отцов, поэтому разбор был до буковки. Сначала молились, потом беседовали, а уж после пили чай с душевными разговорами о жизни, чтобы потом пойти на вечернюю службу.

Все как-то привыкли к этому делу, тем более что постоянно приходили на курсы священники, совершали молебны, отвечали на вопросы курсантов. На курсы приходило человек пятьдесят, от студентов до бабушек. Была среди них и молодая женщина Анна, очень красивая, мать двоих прекрасных дочек. У мужа ее, Николая, недавно умерла мама, и он впал в вялую депрессию. Мама жила с ними в одном доме и помогала им, как могла. И вот ее не стало – квартиру сдали внаем, и Николай как-то совсем отказался работать. Он считал, что рента за квартиру мамы заменяет его зарплату. Он лежал на диване, смотрел телевизор, пил пиво, играл в компьютерные игры и толстел.

Анна сделала несколько попыток поднять его с дивана, но все ее словесные домкраты не работали – Николай с дивана сходить не хотел. Через некоторое время Анна стала краситься, сделала новую прическу.

Это как-то сразу заметил Василий Васильевич, старичок-профессор с Богословских курсов, и решительно подошел к Анне:

– Что случилось?

Анна сделала недоуменное лицо:

– А что случилось?

– Вы решили изменить мужу?

– С чего Вы взяли?

– Это видно невооруженным глазом. Вы переменили свой внешний вид, и это кому-то предназначается.

Анна покраснела и стала жаловаться на мужа, на его образ жизни и внешний вид, потом сказала, что на работе ей нравится один мужчина и что она хотела бы каких-то перемен в жизни.

– Слушайте, у Вас же двое детей, у Вас есть муж. Как можно думать еще о чем-то? Дал вам Господь крест, так несите его. И как сказано: «Претерпевший же до конца спасется» (Мк.

13, 13). И потом, этот мужчина вряд ли захочет на Вас жениться – ему двое чужих дочерей, конечно, не нужны. Получится только блуд – и ничего хорошего.

Анне стало ужасно стыдно, что ее внутренние пожелания были написаны у нее на лице и видны даже

постороннему. Она думала пару недель, а потом отказалась от своих планов что-то менять. Смыв макияж, стала одеваться скромнее. А через полгода она забеременела от мужа.

Она пришла со слезами к Василию Васильевичу:

– Никто не хочет этого ребенка. Муж говорит: «Я такой толстый – от меня теперь не может быть детей». Словно с ума сошел. Я ему говорю: «А от кого тогда этот ребенок?» Он говорит: «Мы троих детей не потянем – я не работаю, ренты и твоей зарплаты не хватит. Тем более, полтора года будешь в декретном отпуске. Подумай сама. Мне кажется, нужно делать аборт».

Я побежала к маме посоветоваться, а она замахала на меня руками: «Что ты? Не надо тебе никакого ребенка. У тебя муж не работает – ты одна не потянешь. Сейчас такие проблемы легко решаются медициной». Никто, никто не хочет этого ребенка.

Василий Васильевич улыбнулся:

– А это вообще не дело людей решать, быть другому человеку на свете или нет. Бог дает жизнь. Перестаньте волноваться и будьте счастливы, потому что беременность – это самое счастливое время для женщины, это полнота жизни. И не слушайте Вы в этом вопросе ни маму, ни тем более мужа. Ребенок родится, и всё в жизни наладится – он, наконец, поднимет Вашего мужа с дивана и всё переменит в Вашей семье.

Анна, всхлипывая, прошептала, глядя на Василия Васильевича заговорщически, но будто с укором, словно маленькая девочка перед отцом:

– А если всё станет еще хуже? Я не вынесу этого...

– Вынесете, матушка моя, вынесете. Господь не посылает креста тяжелее наших возможностей. И потом, вот Вы живете на свете – представьте, что сейчас кто-то бы решал, жить Вам или не жить. Нужно не только в Бога верить – нужно Богу верить. Доверие и есть основа веры.

Анна как-то успокоилась и перестала плакать. После недели размышлений она решила сходить на исповедь и после беседы со священником совершенно укрепилась в мысли выносить и родить младенчика вопреки всем.

Когда же пришло время, родилась девочка Лена, но родилась с врожденным повреждением сердца: между клапанами была дырочка, через которую кровь перетекала из желудочка в желудочек; давления не хватало: девочка была слаба, губы у нее были синими. Горю Анны не было конца – она беспрерывно рыдала. Через несколько дней она пришла к Василию Васильевичу:

– Что мне делать? Они были правы – не надо было рожать. Видите, дочка родилась с пороком сердца. Будет ли она жить?

– Не нужно печалиться: в старые времена, если ребенок рождался слабым, его сразу же крестили. Нужно организовать Крещение.

Анна посмотрела на него недоуменно:

– А Вы мне поможете?

– Конечно. Будут крестить только Вашу дочку в больничном храме у моего знакомого священника. Я обо всем договорюсь. Вот увидите: окрестим Вашу дочку, и она непременно выздоровеет. Твердо в это верьте.

– Но нужно, чтобы Вы непременно были крестным у дочери.

– Ну, милая моя, это такая ответственность. Я обычно отказываюсь от таких предложений.

– Нет уж, Вы уговорили меня рожать – Вы и будьте непременно крестным Лены.

Крестили крошечную Леночку в больничном храме Святителя Луки Крымского. Крестили уже вечером, тихо, при свечах. Были только родители с ребенком да Василий Васильевич. Седенький батюшка читал молитвы неспешно и негромко. В храме стояла звенящая серебряная тишина. Василий Васильевич принял младенца от купели и стоял с трепетом. Он шевелил губами, повторяя слова молитв, которые произносил батюшка.

Анна сказала, что на неделе девочке будут делать УЗИ сердца, будут новые анализы. А через две недели она пришла на курсы совершенно спокойная и просветлевшая.

Василий Васильевич спросил:

– Как там анализы у девочки?

Анна посмотрела на него удивленными глазами:

– Так мы же ее крестили – чего Вы спрашиваете? Конечно, дырка в сердце сразу заросла – это и так понятно было. Она теперь здоровенькая.

Тут уж настало время удивляться старику-профессору: он думал и надеялся, но никак не ожидал, что сердце зарастет так быстро, но более всего он был удивлен вот этой твердой уверенности Анны, что Крещение исправит всё.

Девочка потихоньку росла, она «подняла» папу с дивана – он устроился на работу. Семья зажила интересами деточек, супруги сплотились вокруг их «святой возни». Анна была строга с ними, зато, когда папа возвращался с работы, девчонки с радостью неслись к дверям встречать его. И не было у них больше счастья, чем уткнуться головой в его толстый живот. А крошечная Лена сразу засыпала у него на руках...

Мария Сараджишвили

Странная мечта

Из кабинета известного профессора-окулиста был слышен странный диалог:

- Слушаю Вас, уважаемый.
- Я хотел бы сделать моему отцу операцию хотя бы на один глаз.
- Поясните ситуацию, пожалуйста.
- В молодости произошел несчастный случай, и он полностью ослеп.
- Сколько ему лет?
- 75.

Окулист удивленно взглянул на посетителя:

- Человек большую часть жизни прожил в таком положении и давно привык к этому.

Имеет ли смысл делать операцию, когда в любой день он может умереть? По крайней мере, это нелогично. Может, Вы не в курсе, но это дорогостоящая операция и общая страховка на нее не распространяется.

- Понимаете... у меня такая мечта... Я хотел бы успеть. Долго копил деньги...
- Мечта?

Габо замаялся, раздумывая, стоит ли рассказывать здесь историю тридцатилетней давности.

* * *

В том году зима выдалась на редкость снежной и холодной.

Увязая в снегу, Нино из последних сил пыталась добраться до дома. Резкая боль то и дело вспыхивала внизу живота. Единственная мысль заставляла идти вперед: «Хоть бы не родить прямо здесь, в лесу, без людей».

Время от времени она оглядывалась назад, нет ли погони.

Сумерки сгущались, а большая луна светила всё ярче и ярче. Рождественская ночь вступала в свои законные права. Самый любимый семейный праздник в деревнях, отмечавшийся даже в безбожное время.

Эх, как она надеялась, что к Рождеству случится чудо: смягчится сердце у ее отца, и он простит ей ее ошибку. Увы, надеялась она напрасно.

Нугзар, как увидел на пороге дочь с пузом, озверел:

- За этим я посылал тебя в город? – и залепил пощечину. – Без ножа зарезала!

Выбежал брат и добавил свою порцию радости – вцепился в волосы.

– Опозорила нас перед людьми, негодная! Как теперь по улице ходить?!

Хорошо, что мать вмешалась:

– Поздно уже орать! – цепким взглядом оглядела живот. – Какой месяц?

– Уже девять, – пробормотала Нино.

Забрезжила надежда. Мать всё уладит, уговорит.

Но и от матери услышала совсем не то, что хотела услышать:

– Она вот-вот родит. Нам надо кому-то сбавить этого ребенка. Чтоб никто ничего не узнал. У меня знакомая акушерка в Они как раз такими делами занимается. Продаст его каким-нибудь бездетным. Еще, может быть, корову новую купим. Пока заприте ее в комнату и смотрите, чтобы не сбежала. Хорошо, что скоро Рождество и все по домам сидят. Нам свидетели не нужны.

Брат, немного успокоившись, втолкнул Нино в свою пристройку.

Вырванный клоч волос и пылающее лицо не заботили ее совсем. Куда больше терзала мысль: «Они продадут моего мальчика без всякого сожаления. Надо бежать... Но как?»

Нино дождалась, когда страсти утихли и родственники перебралась поближе к столу залить стресс вином, не дожидаясь праздника. И вылезла через окно.

На улице было пустынно. Начинало темнеть... Она шла уже больше часа, с надеждой вглядываясь в заснеженную даль. Показались очертания соседней деревни. Нино собрала остаток сил и направилась к крайнему дому. Через редкую изгородь было видно, что во дворе возится человек у поленницы дров.

– Откройте, пожалуйста! – крикнула Нино.

– Кто ты? – отозвался хозяин. – Я не узнаю тебя по голосу.

И пошел вперед, выставив руки перед собой.

– Неужели слепой? – мелькнула догадка у незваной гостьи.

Но ей было не до приличий, и она закричала:

– Помогите мне, я сейчас рожу!

– Мама, иди скорей!

Из дверей, вытирая руки о фартук, выглянула женщина средних лет.

– Посмотри, какой у нас меквля! – крикнул ее сын.

Через пять минут Нино сидела у железной печки и грела окоченевшие руки о чашку чая. Жизнь снова обретала радостные очертания.

Через час родился ее сын. Темо – так, как выяснилось, звали слепого хозяина дома – предложил назвать мальчика Габриэлом в честь Архангела, принесшего благую весть. Так и сделали.

– Я дам ему мою фамилию, чтобы никто не посмел косо смотреть на него, – предложил Темо. – Мне его Бог послал за все мои мучения.

Потом неожиданно попросил:

– Может, ты останешься у нас. Тебе всё равно некуда идти.

И рассказал свою историю.

Пять лет назад, как раз на Рождество, Темо готовился к свадьбе и чувствовал себя самым счастливым человеком в мире. Его жена была беременна, и впереди их могло ждать только всё самое лучшее, о чем вообще можно было мечтать.

В двенадцать ночи в деревне началась праздничная стрельба. Темо тоже вынес отцовскую двустволку и пальнул в небо. После выстрела наступила кромешная темнота. Ружье разорвалось у него в руках. Месяц он пролежал в больнице. Раны на руках залечили, а вот зрение вернуть не удалось. Жена, испугавшись дальнейшей жизни с инвалидом, сделала аборт и ушла к родителям. И вот сейчас, на Рождество, такая удивительная встреча...

Потом у Габо появились еще три брата.

* * *

«Пожалуй, не стоит ворошить старое», – подумал Габо и обрисовал свою мечту профессору самым тривиальным образом:

– Мне хотелось, чтобы отец увидел всех, с кем прожил эти годы...

Примечание

Меквле – человек, который первым приходит в дом после Нового года и приносит благополучие.

Пока еще есть время

...Русико сидела в коридоре возле кабинета гинеколога и тщетно пыталась сохранить душевное спокойствие. На данном этапе она вела исключительно здоровый образ жизни и всячески избегала любого негатива. Нервы, как известно, всему голова. Если хочешь забеременеть, надо быть спокойной как удав.

Но попробуй не реагировать, когда перед носом вопиющее безобразие. Без очереди пролезли уже три человека – и все «на пять минут что-то спросить». Их «пять минут» прочно выливались в полчаса. Вот тебе и визит по записи с номерным талончиком, который выдает электронная штукавина в вестибюле. Вот тебе и внешний вид, как в лучших клиниках Европы... «Нет, Грузию никакой Европой не исправишь», – подумала Русико. И как бы в подтверждение этих мыслей в кабинет заплывла толстая врачиха с беременной девицей на последнем сроке, кивнув очереди:

– Эта со мной.

– Наверное, какую-то свою знакомую ведет, – повторил кто-то, сидящий рядом, ее, Русико, мысли. Как тут было не обернуться на источник информации.

– За что, спрашивается, я заплатила 50 лар? – продолжала соседка, явно ища поддержки очереди.

Русико кратко согласилась, а соседка восприняла вежливый ответ как начало знакомства:

– У вас сколько детей?

– Ни одного, – обронила Русико и моментально уткнулась в мобильник.

Казалось бы, намек ясен – не лезь в душу, но эта клуша с немодной сумкой явно принадлежала к непонятливому большинству человечества и продолжала активно допытываться:

– А почему «ни одного»? Не замужем?

– Замужем, – сквозь зубы удостоила ответом Русико.

(Скажи ей, что не замужем, так тут же эта общительная мадам полезет предлагать в женихи своего соседа или троюродного брата, который «очень хороший, только временно не работает», то есть спит и видит, как бы вскочить на шею самодостаточной женщине. Знаем, проходили. Потому продолжаем внимательно изучать мобильник.)

Но соседку простой ответ не устроил.

– Никак не можешь забеременеть? – почему-то перейдя «на ты», продолжила она.

– Да.

Русико уже и тон железный включила, лишь бы соседка отвязалась. Чтобы окончательно заблокировать допрос, Русико достала наушники и демонстративно употребила их по назначению. Но увы, приставучая баба разбередила старую рану...

* * *

...Важа украл Русико, когда ей было 16 лет. Затолкал с другом в машину и увез к дяде в деревню. А потом позвонил ее родителям, когда непоправимое уже свершилось.

– С вами говорит ваш зять! – именно так он представился. – Думаю, мы с вами поладим. Как Русико? Конечно же, лучше всех! Скоро свадьба.

Отец с матерью с трудом разыскали их через полдня. И хотя Русико умоляла отца забрать ее домой, в ответ услышала:

– Видно, это твоя судьба. Мы хотели для тебя другого, но сейчас уже слишком поздно...

(В словах родителей была своя логика. Забрать дочку нетрудно, только за кого потом Русико замуж выйдет, когда все хотят только девственниц?)

И обе стороны приступили к обсуждению деталей свадьбы.

...Русико пришлось смириться и плыть по течению дальше. Важа, хоть и был на пятнадцать лет ее старше, но имел свои весомые плюсы: не бил, не изводил постоянными придирками, как отец мать, не ревновал ее ко всему оставшемуся мужскому населению земного шара. И даже спокойно выпускал из дома с первых же дней, потому что: «Меня тут все знают и уважают. Никуда ты от меня не денешься». Но, самое главное, он ее любил. Это было видно по его взгляду, скупым словам, своеобразной заботе.

Через месяц после свадьбы Важа признался:

– Когда я первый раз тебя увидел в магазине, сразу понял, что именно ты нужна мне для счастья. Знакомиться не стал – ты бы на меня не среагировала. Поэтому у меня другого выхода не было, как украсть тебя.

Русико это все не волновало. Никаких встречных чувств у нее к Важе не было. Просто не ее это человек, хоть пудрой сахарной осыпь – лучше не станет. Но все равно надо было жить дальше и не заикливаться на чувствах.

...А через три месяца Важа случайно убил человека. Повздорили из-за карт. Он сам потом удивлялся: кто же мог знать, что потерпевший окажется таким хилляком – скапнется от одного удара. Дальше – арест, суд, приговор... Прощаясь с женой, Важа без всякой лирики сказал:

– Меня не жди. Выйду уже стариком. Вернись к своим и живи, как знаешь.

Уже дома, приходя в себя после всех потрясений, Русико обнаружила, что беременна.

Ох, как это некстати. Сообщить мужу? Он стопроцентно скажет, чтобы вернулась к све-крови и во что бы то ни стало сохранила ребенка – его след на земле.

Мать, узнав новость, тоже отсоветовала оставлять:

– Видишь, тебя сам Бог избавил от этого громилы. И нитку эту последнюю убери. Из тюрьмы он тебе все равно не помощник, а нам придется растить, мучиться. Не стоит Важа такой чести.

Русико колебалась недолго. Тем более что будущее рисовало множество вариантов: «В семнадцать лет вся жизнь впереди. Осмотрюсь и уеду куда-нибудь. Встретится нормальный мужчина, от которого у меня еще будут дети»... И сделала аборт.

Мечта исполнилась частично: она перебралась из Кутаиси в Тбилиси, активно знакоми-лась, но серьезные отношения никак не завязывались. Свое кратковременное замужество в карман не спрячешь. К тому же местный мужской контингент осторожничает: квартирный вопрос над всеми довлеет.

...Русико разменяла уже тридцатник, но семейным счастьем и не пахло. Но вдруг блеснула надежда. Удалось познакомиться с молодым, видным, перспективным Векой, работником банка. Какое сравнение с ее бывшим питекантропом! И тут как раз то, что надо, – новая бере-менность. Прекрасный повод зафиксировать отношения.

Сообщила новость будущему отцу, а тот – будто кислым виноградом подавился. Отдышался, откашлялся и такое лицо сделал, будто в ссуде кому-то отказал.

– Извини, это не для меня. Я недостаточно стою на ногах.

– Если ты не хочешь ребенка, его не будет, – бросилась Русико его успокаивать.

Бека сразу повеселел, вновь улыбка голливудская появилась, точь-в-точь такая, как их на тренинге научили. Снова стал прежним олицетворением успешности в этом мире. Как такого упускать?

На другой день Русико избавилась от возможного наследника. Опять, значит, не время. Позвонила Беке – порадовать, а вместо него какой-то голос с музыкальным сопровождением: «Номер абонента не зарегистрирован». Ясно: симку сменил, решил перестраховаться.

...Время календарь листает, на тебя не оглядывается. У подруг уже дети школы заканчивают. Русико и так, и этак свою жизнь анализирует. Где же она свой шанс упустила? Интересно, жив ли еще Важа? Может, это была ее стезя, только она не поняла.

Сейчас, спустя двадцать лет, ясно одно: дорога к счастью не бывает выстлана персидскими коврами. А сын убийцы, – Русико точно знала, что эти два зачатка были мальчиками, – мог стать музыкантом. Другой, Бекин, тоже кем-то бы стал. Впрочем, это уже неважно. Главное, они были бы рядом.

А так хочется ребенка. Эти глазки, пальчики, складочки на ножках... До дрожи в пальцах, до сумасшествия...

Сказали древние: если женщина захочет, сквозь скалу пройдет. А тут такая цель святая – стать матерью. И Русико нашла себе еще один вариант – Ачико, зануду с вечно потными руками, но кто на это смотрит, когда перед тобой цель.

...Год, другой проходит, но волнующих признаков беременности все нет. Только деньги на тесты зря тратятся.

Вот почему Русико оказалась у этой двери. Она сдала кучу анализов, и сегодня врач должна дать окончательный ответ.

* * *

Тут как раз подошла ее очередь. Врач шелестит бумагами. Затянувшаяся пауза действует на нервы. И вот, наконец, приговор:

– К сожалению, во время последнего аборта Вам повредили трубы. Новая беременность невозможна.

Глаза за стеклами очков смотрят, словно извиняясь. Врачу, кажется, и самой неприятно вот так обрубить последнюю надежду.

– Но Вы не отчаивайтесь. Может, кого-нибудь усыновите. Поверьте, эмоции те же, как и у любой рожавшей матери.

Но Русико еще не совсем оправилась от впечатления после приговора:

– Нет, я пока еще не готова к такому шагу.

– А Вы подумайте. Если решитесь – позвоните мне. Через меня разные люди проходят. Кто-то не может родить, а кто-то от почти готового рад избавиться.

Русико попрощалась и пошла к выходу. В маршрутке ехала в состоянии оцепенения. Вживалась в безнадежность. И тут ее толкнули самым бесцеремонным образом.

– Смотреть надо! – выкрикнула она и тут же осеклась.

Рядом с ней опустилась женщина с тшедушной девочкой.

– Извините.

Сразу бросились в глаза выступающие передние зубы девочки и отсутствующий взгляд.

– Что с ней?

– ДЦП.

– Она одна у Вас?

– Нет. Есть еще сын старший, – и равнодушно уточнила. – Он обычный.

– Какое счастье! – вырвалось у Русико.

– Да, он мне помогает, – сказано было без эмоций. – Но для меня на первом плане Саломе.

Она важнее.

Русико ничего не ответила. Как это так: инвалид ценится выше, чем здоровый? И видно, что мать не врет. Для нее, видимо, это так и есть.

...Всю ночь Русико не могла заснуть. Лучшая половина жизни уже прожита. Для себя, в поисках своего логически просчитанного счастья. Прямо как в детской считалочке: шла, шла, шла и коробочку нашла. А в ней пусто. Вакуум. Теперь и идти, выясняется, некуда. А может, надо, как та женщина из маршрутки, действовать против логики?

Утром она набрала номер своего врача.

– Если будет какой-то случай для меня, сообщите, пожалуйста. Да, да, я согласна на любого. Не хочу упустить свой последний шанс. Пока у меня еще есть время.

Елена Кучеренко

Нечаянная радость

Недавно я встретила в нашем храме Ирину Петровну, пожилую и очень хорошую женщину. Она появляется нечасто – они с мужем живут в другом районе и ходят в церковь рядом с домом.

В тот день они с сыном пришли договариваться о Крещении месячной внучки Машеньки.

– Ой, Лена, здравствуй! – обрадовалась она мне. – Вот мой сын Михаил. Вы ведь незнакомы? И внучка у нас уже... А помнишь, я тебе рассказывала?..

Я помню, да...

* * *

С Михаилом – родным сыном Ирины Петровны – я до того дня, и правда, не была знакома. Но хорошо знала семью ее пасынка Валеры. Они бывали у нас в храме наездами. Он, его жена и их четверо детей.

Как-то они появились с Ириной Петровной. Мы разговорились, и тогда-то я и узнала удивительную историю этой женщины. Очень счастливой женщины...

Давно, когда Ирине Петровне (а тогда просто Ире) было 25 лет, она попала в страшную автомобильную аварию. Выпили по глупости с друзьями по поводу окончания института и поехали кататься по городу на чьей-то папиной машине. И врезались в КАМАЗ. Ирина, единственная из всех, кто был в той машине, чудом осталась жива. Эта авария заставила девушку впервые задуматься о Боге: у нее была верующая бабушка, которая, навещая ее, всю поломанную, в больнице, всё время повторяла: «Господь тебя спас! Помни об этом! Его благодари!..»

А пока Ирину буквально сшивали по кусочкам. Врачам удалось спасти девушке жизнь, но «по женской части» они вынесли приговор: «Детей никогда не будет! Усыновляйте... Хотя вряд ли Вам кто-то позволит. Вы же инвалид!»

Шли годы. Ирина работала, начала ходить в храм, который открылся у них в районе, – не забыла наказа покойной уже бабушки.

Правда, иногда роптала: «Господи! Ты сохранил мне жизнь, но детей-то у меня не будет. И никому я такая не нужна».

Потом похоронила родителей и осталась совсем одна. И даже подумывала о монастыре. А когда ей было уже далеко за 30, познакомилась с Петром, прихожанином той же церкви, вдовцом с ребенком (этим самым моим знакомым Валерой). Они поженились и прожили в

браке долгую и счастливую жизнь. Иногда, правда, женщина всё так же вздыхала, что своих детей у нее никогда не будет. Но пасынка она любила как родного. И тот ее очень любил. И до сих пор любит.

«...А в 50 лет случилось у меня то, что у всех женщин бывает в этом возрасте, – рассказывала Ирина Петровна. – Цикл прекратился. Подумала – климакс. Ну что ж... Жизнь... Я тогда и не расстроилась особо. У Валерочки были уже дети, и я с радостью возилась с внуками... Но со временем начало подташнивать. Я заволновалась – всякое ведь бывает. Моя мама умерла от рака. А потом живот начал надуваться.

– Ну всё, конец! Точно опухоль! – решила я».

Перепуганная женщина побежала в поликлинику.

– Доктор, у меня рак... И знаете, он почему-то шевелится...

Старенький очкастый врач долго щупал ее живот, листал карточку, протирает стекла очков, глубокомысленно почесывал лысину, переспрашивал возраст... А потом произнес:

– Вашему «раку» уже шестой месяц, наверное, вот и шевелится. Беременная Вы, бабушка! Неловко даже как-то!

И начал выписывать направление на обследования, а затем – на аборт... На стимуляцию преждевременных родов, в смысле...

– Какой аборт! Какие преждевременные роды! – замахала на него кулаками Ирина Петровна. – Я же этого ребенка всю жизнь ждала!

Потом были больницы, постоянные обследования... Почти всю беременность Ирина Петровна пролежала на сохранении. Врачи чем только не пугали: в таком возрасте не рожают, она не выносит, а если выносит, то родит больного ребенка, и как она его, почти старушка, будет растить...

Но рядом всегда был муж Петр. Они вместе молились и верили, что если Господь дал им в таком возрасте эту великую и нечаянную радость, то Он всё управит.

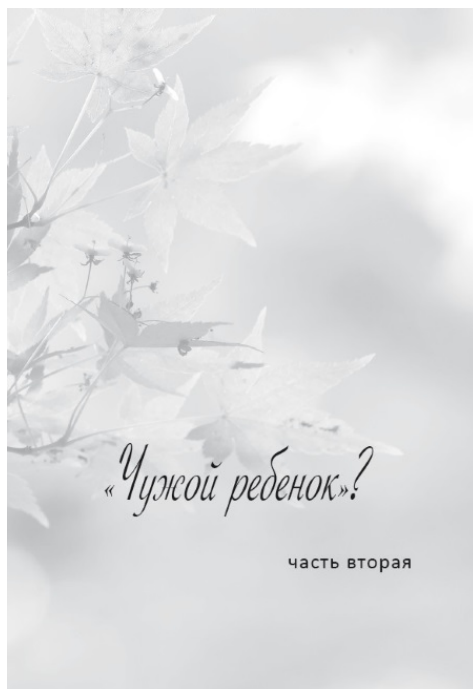
Ирина Петровна родила сына в 51. И выкормила грудью. Сейчас ему столько, сколько было ей, когда она попала в ту жуткую аварию. И все живы здоровы...

* * *

А женщина прямо светится. И в тот день они с сыном Михаилом с гордостью показывали мне ее внучку Машеньку: – Пятая внучка у меня, Лен! Представляешь?! Родная!!!! Да что я говорю! Все они родные! И внуки, и Валерка, и Мишка! Господи, спасибо Тебе!

Часть вторая **«Чужой ребенок»?**

Ольга Зиненко

Отец-одиночка

Несколько лет назад мы с семьей жили в одном из отдаленных районов Москвы. Недолго, но я успела стать свидетелем такой замечательной истории.

Наш дом стоял в ста метрах от храма, и мы с сыном часто гуляли на его территории – большой, с детской площадкой и пирожковой. Там я познакомилась с Ирой, мамой троих сыновей. И вот самый старший, первоклассник, меня (максималистку в вопросах воспитания, как и большинство мам единственных первых детей) прямо-таки «возмущал». Саша был нервным, капризным, избалованным; из-за того что ему дали пирожок с малиной, а не с клубникой,

мог закатить истерику с кувырканиями по земле, истошным криком и другими прелестями. Обижался на любой полувзгляд. Он не понимал слов «нет» и «нельзя». При том что младшие дети были образцом послушания. Когда мы с Ирой сошлись чуть ближе, не выдержала и аккуратно поинтересовалась, как так вышло, что старший, к которому обычно у родителей больше всего требований, такой... ммм... непохожий на младших. И узнала, что Сашу Ира с мужем усыновили пять месяцев назад, он пока не привык, не адаптировался. А еще никак не может смириться с потерей отца, для которого был светом жизни.

* * *

Отец Саши Геннадий, или дядя Гена, как его все называли, почти до 50 лет прожил бобылем. Не складывалось. Работал прорабом на стройке, «халтурил» с коллегами ремонтами квартир.

И вдруг повстречал Виолетту. Она работала в соседней бригаде маляром, приехала в столицу на заработки. Молодая (около 30), статная как лебедь, с карими жгучими глазами. Геннадий «пропал» сразу же и был готов положить мир к ногам своей дамы сердца, если бы мог. Виолетта, видя такое благоговение, снизошла и позволяла себя любить. Даже к Геннадию на квартиру переехала и работу бросила.

Гена с радостью расшибался в лепешку, чтобы заработать лишний рубль и преподнести любимой подарок. А уж когда узнал, что девушка беременна, чуть с ума не сошел от счастья!

Он готов был хоть сию секунду идти в ЗАГС, но Виолетта отказалась – не хотела свадьбу «по залету», лучше подождать и потом устроить торжество. Гена, как всегда, возразить ей не посмел и принялся делать ремонт в «их гнездышке», как любовно Виолетта называла его квартиру.

Саша родился в срок. Крепыш в 4 кило. Виолетта присылала счастливому отцу фотографии новорожденного по эс-эм-эс, и тот рассматривал глазки-складочки, носик-две-дырочки сквозь пелену слез, которые текли и текли, хоть что ты с ними делай! Но, оказавшись дома, молодая мама вдруг выдала: «Я завтра же отдам его в детдом, если ты не подаришь мне эту квартиру. Мы не женаты, по документам ты ему никто. Мне ребенок не нужен, а квартира пригодится. Предлагаю обмен». Гена потом всегда удивлялся, как пережил тот миг, как сердце не разорвалось...

Но, конечно, он выбрал сына. Хотя и Виолетту любил, и отдирали потом от сердца с болью. Он стал официальным отцом-одиночкой, переехал в старую мамину «хрущевку». Мама умерла за пару лет до этого, других родственников у него не было, рассчитывать – не на кого. Первые два года Гена работал на износ, чтобы оплатить няню сыну, потом договорился с заведующей детского сада, и «за ремонт», который сделал в одиночку, Сашу взяли в группу.

Мальчика он баловал. Выполнял все его прихоти. Никогда не повышал на него голос. Саша рос капризным, не умел находить общий язык со сверстниками, никому не уступал. «Ну не могу я ему сказать “нет”, не могу, извините», – извинялся перед мамами Гена и уговаривал Сашу вернуть малышу игрушку, обещая купить такую же.

Гена крестил сына, когда ему был год, нехотя, потому что все вокруг твердили: надо, чтобы у парня был Ангел Хранитель. Хотя сам в церковь не ходил, считая, что она существует, только чтобы дурить людей и вытягивать деньги. Ругал постоянно «попов на мерседесах» и злобных старух, которые заполонили храмы. Когда мамы на площадке обсуждали, какой сегодня праздник, ухмылялся: «Да у вас праздник каждый день, так никакого здоровья не хватит! То-то вы такие блаженные все...» В общем, недолюбливал он людей церковных.

Когда Саше исполнилось 7 лет, Геннадию поставили диагноз – рак. Четвертая стадия, врачи даже не пытались скрывать – время идет на убыль. Дядя Гена не раскис и решил во что бы то ни стало найти Сашке семью: ни в коем случае он не должен попасть в «учреждение», а

то пропадет... Первым делом пошел к Виолетте, но та даже слушать ничего не захотела: у нее новая жизнь, любимый мужчина, надо будет – родит. И захлопнула дверь.

Была еще пара знакомых семей, порядочных, с хорошим достатком. Они называли Гену другом и часто просили подремонтировать что-нибудь за символическую плату или за «спасибо». Гена друзьям не отказывал и верил, что в трудную минуту они не останутся в стороне. Но они не помогли. В одной семье только родился второй малыш, и третьего они не планировали, а во второй жена оказалась категорически против чужого ребенка. Тем более мальчика, тем более... Гена не стал дальше слушать, ему надо было действовать – найти Сашке семью.

Ира и ее муж Алексей появились случайно, когда надежды становилось всё меньше. Они нашли информацию о Саше в интернете, на одном из форумов, где однажды Гена оставил объявление без особой надежды. Приехали познакомиться. Ира как-то «с лету» включилась в разговор с мальчиком. Гену поразило, что они не раздумывали «брать или не брать», а обсуждали, когда и как мальчику лучше переехать в новую семью. Рассказали о том, как живут сами. Оказалось, семья верующая, по воскресеньям – в храме, постятся, молятся, хотят много детей. «Вот угораздило-то!» – подумал дядя Гена, но виду не подал. Сказал только: «Я лично далек от этого». Ира и Алексей улыбнулись. А Саша предложил Ире прокатиться на его велосипеде, что означало высшую степень симпатии – он никогда ничем не делился. «Ну и ладно, пусть будут “церковные”, главное – люди хорошие», – отважно решил дядя Гена.

Ира и Алексей навещали Геннадия в больнице. Показывали фотографии Саши, рассказывали о нем – пошел в первый класс, нравится математика, по папе скучает, вот рисунок передал. А прежде Саша не рисовал, ленился. Ира принесла Гене святую воду и попросила пить. Он пил. В больницу приходил священник из церкви неподалеку, как-то они разговорились с Геннадием. Ира пришла, когда они уже прощались. «Слушай, – зашептал заговорщически Гена, – такой образованный мужик оказался, умный, я-то думал, что попы, ну то есть батюшки эти ваши, кроме “паки-и-паки” ничего не знают, а он – вон какой... разбирается... Но теперь у меня к нему пара вопросов есть. Посмотрим, что он мне на них скажет». И хитро прищурился, потирая ладони. Он успел еще несколько раз поговорить с этим священником до своего ухода, о чем – никто не спрашивал, а Геннадий не рассказывал. Но после этих бесед он долго о чем-то думал, хмыкал, решал в голове какие то задачи, потом ложился на бок и крепко засыпал. А однажды даже спросил Алексея настороженно: «Сегодня ж воскресенье, ты чего так рано пришел? В церковь не ходили что ль?» – «Мы на Раннюю ходили, дети и Ира потом с Воскресной школой в Лавру поехали». – «А, ну ладно тогда», – согласился Гена.

* * *

Прошло уже больше пяти лет. Как-то мы снова оказались в том храме. Саша теперь помогает священникам в алтаре. Если бы мне Ира сама на него не указала, я бы в жизни не узнала в этом сосредоточенном, старательном юноше нервного и капризного пацаненка, каким он когда-то был. А еще было заметно, как

Алексей и Ира гордятся им, своим старшим сыном, таким взрослым и серьезным. По окончании службы, скинув с себя облачение, Сашка самозабвенно носился по двору за младшими братьями. Мальчишки хохотали и висли на нем, а он делал вид, что вот-вот упадет. И в тот момент – я могу это точно сказать – я видела глаза любящего и любимого счастливого ребенка, у которого есть семья.

И еще я уверена, что Сашка, стоя у алтаря, каждый раз молится о своем отце, для которого был светом жизни.

Мария Сараджишвили

Много в жизни несправедливости

Один старец ушел в отшельники и на протяжении десяти лет молил Бога об одном: узнать, почему на Земле одни рождаются и становятся богатыми, а другие – бедными. И почему в мире творится так много несправедливости?

И вот Бог смилостивился и послал к нему Ангела. Ангел сказал:

– Я не буду ничего объяснять. Для начала просто закрой глаза.

Старец закрыл глаза и, когда открыл их, ощутился на дереве в дупле. Ангел продолжил:

– Здесь ты пробудешь три дня. Наблюдай за происходящим.

И стал отшельник наблюдать. На первый день проскакал всадник на вороном коне. Около дерева от седла случайно отвязался мешок и шлепнулся на землю. На второй день подошел к дереву крестьянин, развернул скатерть, уставил ее едой и начал было есть, но вдруг заметил мешок. Он увидел, что в мешке золото, ужасно обрадовался и побежал с мешком дальше, оставив обед под деревом. На третий день проходил бедный странник, увидел еду и набросился на нее с жадностью. Не успел он окончить трапезу, как вернулся всадник на вороном коне и стал требовать вернуть свои деньги. Стал его мучить, а потом убил, поняв, что это бесполезно.

И тут отшельник не выдержал и начал кричать от гнева:

– Ты же обещал мне дать ответы на мои вопросы, но я увидел еще одну сцену несправедливости!

– Подожди, – ответил ему Ангел. – Я сейчас тебе растолкую смысл увиденного. Всадник – это богач. Он объезжал свои владения и собирал подати. У него еще полно таких же мешков, какой он потерял. Просто жадность не давала остановиться. Других ценностей, кроме золота, у него нет. Крестьянин разорился и заложил свое имущество. Вчера был последний день возврата денег, и, если бы он не нашел этот мешок, он бы остался без всего и попал бы в тюрьму. Но он откупился найденным золотом и спас себя и семью. А бедный странник в молодости в пьяной драке убил человека. После этого он мучился всю свою жизнь, раздал имущество и молил Бога о мученической смерти, дабы искупить свой грех. Вчера его желание исполнилось. Всадника же, убившего его,

теперь будут преследовать кошмары. Он раскается и начнет помогать бедным.

«Почему в мире так много несправедливости». Притча

Грустные мысли крутились в голове у Кетеван этим тусклым серым утром. Раздражал весь комплекс подарков судьбы: очередной загул мужа, затянувшаяся полоса безденежья, бесконечные капризы детей.

Почему ее родители так рано ушли, оставив Кети один на один с этим ворохом проблем? И вдобавок нет ни одного родного человека рядом. Какой-нибудь завалающейся двоюродной тети и той не наблюдается. Хоть бы с детьми иногда посидела – и то был бы просвет. На Бесо ведь не то что детей, двух индюшек оставить нельзя – сдохнут через час. Сам до сих пор как большой ребенок, только постоянные «хочу» им движут.

При ее отце это все как-то сглаживалось. Точнее, папа юрист покрывал деньгами все выпирающие углы семейной лодки.

А теперь ни папы, ни мамы, ни стабильного денежного положения. Зато Бесо раскрывается бутоном недостатков, да в такой цветовой гамме, что в глазах рябит.

Сколько таких хороших людей, как Кети, по всей земле бессмысленно мучаются, – это ж страшно представить. И куда только смотрит Господь Бог!

Ход претензий к Создателю прервал звонок.

– Кто там? – осторожно через дверь спросила Кети. Не открывать же всем подряд в такое беспокойное время. По ту сторону замка ответили с запинкой:

– Откройте, пожалуйста, я к вам из Собеса.

Кети припала к глазку. Линзы выпукло показали лицо незнакомой пожилой женщины: «На нищенку явно не тянет», – подумала Кети.

– Вы не бойтесь, – заторопилась она с объяснениями. – У меня к вам одно дело... Деликатное.

Кети слегка приоткрыла дверь.

– Вы Кетеван Деметрашвили? – уточнила странноватая визитерша и добавила просительным тоном. – Возьмите меня к себе в бабушки.

– К-куда взять? – не поняла Кети, мучаясь от дежавю. Вспомнился Калягин в женском парике: «Здравствуйте, я ваша тетя из Бразилии!»

– В бабушки, – занервничала незваная гостья от непонимания. И поспешила внести документальную ясность. – Меня зовут Тасико Гвенцадзе. У меня дом свой, корова, хозяйство в Цхнети. Вы плохого не подумайте. У Вас ведь двое детей. Я за ними присмотрю. Все свое потом Вам оставлю. Кети молча хлопала глазами, не зная смеяться или злиться.

Тасико, пользуясь ее ступором, торопливо перечисляла все плюсы их будущего совместного проживания:

– Мне вашего ничего не надо. Я одинокая. Все могу по дому делать. Вы спросите моих соседей. Все скажут, что я не аферистка. – И тут же достала из кармана клочок бумаги. – Вот мой адрес. Вот телефон, – и сунула ей в руку листок с заранее написанным номером. – Только не отказывайте мне, как дочь Вас прошу, – в голосе ее послышались слезы.

Кети зажала бумагу в кулак.

– Хорошо-хорошо, не беспокойтесь. Я вам позвоню. Надо с мужем поговорить, – и поскорее захлопнула дверь.

Вечером Кети рассказала все Бесо, который как нельзя кстати был в относительно адекватном состоянии. Он тоже сперва не понял, в чем смысл столь необычного предложения, глубокомысленно повертел так и этак бумажку с номером, даже на свет зачем-то посмотрел. Потом произнес:

– А что? Это вариант неплохой. Корова, говоришь, есть. Деревенское мацони – это вещь. Завтра я съезжу в Цхнети, на дом посмотрю, туда-сюда. И вообще проверю, кто чем дышит. Ты же знаешь, – он постучал себя по лбу с залысинами, – мозг!

Кети успешно подавила усмешку.

– А то вдруг получим от мертвого осла уши, а не бабушку с мацони....

Так в семье Кети утвердилось Тасико. Она взвалила на себя все хозяйственные заботы почище любой домработницы и скоро стала совершенно незаменима. Ее молоко, сыр и яички очень живописно вписались в интерьер полупустого холодильника.

Кети на первых порах напряженно приглядывалась к дармовой помощнице, перепрыгав от греха подальше уцелевшие от запоев Бесо несколько колец – весь золотой запас семьи.

Она никак не могла понять, зачем Тасико эта добровольная женская каторга. Причем на конкретный вопрос сама рабыня Изаура отвечала что-то совершенно несовременное:

– Устала от одиночества. К тебе, Кети, просто сердце потянулось. Вот и все. Это было особенно странно слышать: в наше-то волчье время и вдруг такой подозрительный альтруизм.

Потом Кети перестала ломать себе голову и зажила дальше. Нашла работу и стала без волнений оставлять детей на совершенно постороннего человека.

Так прошло несколько лет. Однажды вечером Таси-ко стало плохо с сердцем. Кети бросилась к ней, оседающей на пол у раковины.

– Эй, кто-нибудь, быстро звоните в «Скорую»!

Но через пять минут стало ясно, что «Скорая» уже не поможет.

Кети дрожащей рукой закрывала Тасико глаза.

На другой день они с Бесо поехали подготовить дом Тасико к похоронам. Требовалось сделать уборку и переставить мебель. Среди вещей попала на глаза потрепанная тетрадь советского образца. Кети раскрыла ее, пробежала глазами по неровным выцветшим строчкам и уже не смогла оторваться.

* * *

«...Господи, как мне жить теперь? За что?!!!! Почему это должно было случиться именно со мной?!»

Кети перевернула еще несколько листов, и картина прояснилась. 16-летнюю Тасико соблазнил один студент, который приехал в гости к соседям. Провел романтично время и отбыл преспокойно в город, увозя с собой приятные впечатления. О том, что Тасико беременная, он даже не узнал. Сама будущая мать осознала шокирующую новость, когда уже невозможно было что-либо изменить.

«...Мне страшно подумать, что сделает отец, когда все узнает. Господи, сделай так, чтоб я не проснулась завтра утром. Так будет легче для всех. Что тебе стоит, Господи?»

Отец-таки узнал. Чтобы скрыть позор от соседей, запер дочь до родов дома, а для общего сведения объявил:

– Тасико сошла с ума, на людей кидается. Поэтому держим взаперти.

Когда родилась девочка, старший брат Тасико тут же вывез ее в город и сдал в детдом.

Тасико еще долго не выпускали на улицу, чтобы люди привыкли к факту ее «болезни». Отец все продумал. Даже если бы Тасико стала разыскивать ребенка, все вопросы можно было списать на бредовую идею.

«Где же она, моя доченька?! Только и успела на нее полчаса посмотреть. Все искала приметы, как бы ее от других отличить. Так нет, тельце чистое, беленькое. Одна крошечная родинка между средним и указательным пальцами. Как мне ее найти в этом людском море? В чьи руки попадет моя девочка? Дай Бог, чтобы в хорошие! А если нет? Тут свои родные со мной что сделали... Зачем столько злых людей на свете???»

Еще шелест страниц, и мелькнули даты смерти родителей.

«Я ждала смерти больного отца как избавления. Пока смотрела за ним, вся злость ушла куда-то и осталась только огромная усталость. Умирая, он сказал: «Прости меня. Я тебе жизнь поломал». Господи, найду ли я когда-нибудь свою девочку? Хоть бы отдать ей ту часть любви, которая во мне, и умереть на ее руках!»

Еще несколько листов и скупые строки.

«Сегодня моего брата зарезали в драке. Была у меня слабая надежда, что он скажет, в какой детдом отвез мою кровиночку. Но этого я уже никогда не узнаю...»

Потом шел подробный перечень детдомов, которые напрасно обошла Тасико, так и не найдя никаких следов.

Затем подчеркнутые строки и восклицательные знаки.

«Слава Тебе, Господи! Это точно она! Я сидела в автобусе, а моя девочка взялась правой рукой за поручень прямо перед моими глазами. У нее родинка между пальцами!!! Я пошла за ней, трясясь, что она заметит меня! Оказывается, все эти годы мы жили почти рядом. Она в Багеби, а я в Цхнети...»

* * *

На могиле у Тасико стоит камень с надписью: «Маме от дочери. Лучше поздно, чем никогда!»

Талисман

В одном из недавно возрождённых монастырей на севере России священник на Литургии отказался читать одну из поданных записок. А после службы он стал выяснять:

– Кто подал записку с неканоническими именами? Да тут язык сломать можно: Нестан, Цира, Амиран, Малхаз. Одна из сестёр, мать Ефросинья, слывущая молчуней, показала священнику какой-то текст. В тексте значилось, что Грузинская Православная Церковь признаёт эти имена каноническими и празднует память этих святых. Вот об этих-то непривычных в России именах и пойдёт речь.

* * *

Цира, невысокая голубоглазая студентка тбилисского института иностранных языков, выглянула на улицу. День обещал быть жарким и, как обычно, трудным. На тахте (старинный ковер над ней украшала некогда коллекция кинжалов, но от греха подальше её продали при большевиках) стонал её восьмидесятилетний отец Габриэл. В манеже возился годовалый сын Циры Малхаз. Сколько дел, а помочь некому. Мать умерла год назад, а муж Амиран только ищет случая уйти из дома играть в карты или выпивать с друзьями. Он, видите ли, семью содержит, а попросишь помочь – раскритичится: «Я мужчина!»

В дверь позвонили. «Что-то рано для мацоницы», – подумала Цира и пошла открывать. На пороге стояла незнакомая русская женщина в какой-то нелепой чёрной одежде и в повязанном по самые брови чёрном платке.

– Это вы Цира Сидамонидзе? – спросила незваная гостья.

– Да, я, – насторожилась Цира. – Я твоя мать, – заплакала женщина и, опустившись на колени, стала торопливо рассказывать. – Двадцать один год назад я познакомилась с твоим отцом на море в Батуми. Он привёз меня в Тбилиси, обещал жениться, потом бросил с ребёнком. Жить было негде и не на что. От безвыходности я отдала тебя в бездетную семью и уехала в Россию. Прости меня, если можешь.

– Это ошибка, – пролепетала Цира. – Моя мать Нестан умерла год назад. Встаньте, пожалуйста! Вай, как неудобно! Что люди скажут?

– Нет, это правда, – женщина заплакала ещё сильнее. – Прости меня.

– Оставьте меня в покое! – крикнула Цира и захлопнула дверь.

Из комнаты донёлся стонущий голос отца:

– Кто там приходил?

– Да так, какая-то ненормальная, – на бегу отозвалась Цира, вытаскивая сына из манежа. – Говорит, что она моя мать.

Старик пожевал беззубым ртом и негромко сказал:

– Мне уже мало осталось. Я ждал её. Эта женщина сказала тебе правду.

* * *

После похорон отца в доме стало непривычно пусто. Никто не стонал, и не надо было бежать в аптеку. Зато теперь стали забегать подружки, стеснявшиеся прежде приходить в дом, где умирает человек.

Цира наконец-то расслабилась. Однажды они с соседкой пили кофе на кухне, шутили, смеялись. И вдруг услышали, как в коридоре что-то глухо упало. Цира бросилась туда – на полу лежал бездыханным её сын Малхаз. Первым вызвал «Скорую» местный вор рецидивист Тазо. А потом Цира слышала, как сквозь вату, разговоры врачей: «Клиническая смерть... пальцы сунул в розетку... кора головного мозга... не выживет».

Но Малхаз выжил и, заикаясь, рассказывал матери:

– Я видел дедушку Габриэла и бабушку Нестан. Они совсем молодые. Я пошёл за ними, но они стали прогонять меня от себя. А какая-то женщина в чёрной одежде взяла меня за руку и повела сюда, к тебе.

Цира в ужасе ахала:

– Вай ме, вай ме, что ты такое говоришь, Малхо?

– Это бред, но это пройдёт, – успокаивали Циру врачи.

И правда, это прошло со временем. Только нервный тик остался, и у Малхаза от любого волнения некрасиво кривился рот.

Вскоре после больницы Цира получила из Минска письмо: «Я, твоя мать, всю жизнь буду молиться за тебя и твоих детей и всей своей жизнью постараюсь искупить свой грех. Дома у меня нет. Я странствую по святым местам. Может, мы ещё и увидимся. Высылаю тебе молитвы – утренние и вечерние. Читай хоть иногда, и Господь тебя не оставит». Цира с досадой выбросила это письмо в мусорное ведро. Опять эта ненормальная! А вдруг снова приедет? Надо бы мужа предупредить.

Амиран, услышав новости о происхождении жены, разорался:

– Я так и чувствовал, что ты неизвестно какой породы! – и понёсся непечатный народный фольклор.

* * *

Шло время, но незваная гостя так больше и не появилась. А Цира, дожив до тридцати пяти лет, захотела родить второго ребёнка. В консультации врачи переполошились:

– Рожать нельзя. В моче ацетон! Возьмите направление на аборт.

Цира заплакала. Сколько раз избавлялась от ненужных беременностей, откладывая всё на потом. Жила и думала – всё ещё впереди. А впереди пустота, и не родится её маленький, уже любимый, ребёнок.

Только ночью она забылась беспокойным сном и увидела – стоит перед кроватью та ненормальная женщина в чёрной хламиде и успокаивает её, глядя исхудалой рукой по голове. А рука даже во сне тёплая, приятная.

Проснулась Цира с радостной решимостью: она родит, и всё будет хорошо.

Дочь она назвала Нестан – в честь её родной и единственной матери.

* * *

Однажды, заподозрив мужа в измене, Цира с горя пошла к гадалке. А ночью ей опять приснилась эта ненормальная в подрыснике – обличала, плакала и уговаривала сходить в церковь. И чего, спрашивается, привязалась? А наутро соседка сказала: «Если ты переживаешь за мужа, лучше в церковь сходи и свечку поставь».

Цира колебалась, но дело решилось само собой. Забежала в гости однокурсница Дела, известная поразительной способностью влезать в разные денежные авантюры, и застрекотала, как швейная машинка:

– Как ты проводишь пост, моя радость? И кто у тебя мамао (духовный отец)? Как это – у тебя нет мамао? Ты ужасно отстала от жизни! Даже политики имеют своих мамао. Пол-Тбилиси сейчас постится, и я тебе статистику приведу. Во время Великого поста, – восторженно тараторила Дела, – в городе в два раза снижается выпечка хачапури и в три раза увеличивается потребление лобиани и пирожков с картошкой. Ладно, не горюй, я тебя воцерковлю. Завтра у нас в церкви будет соборование. Никак нельзя пропустить! При соборовании прощаются сразу все грехи. А это способствует восстановлению дыр в ауре и чистке кармы от последних трёх воплощений по мужской линии. Так мне один наш прихожанин-экстрасенс объяснял. Он к нам подзаряжаться ходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.